

Инаугурационный дискурс РФ и КНР в аспекте современной прагмалингвистики

Inauguration Discourse of the Russian Federation and the PRC in the Aspect of Modern Pragma-Linguistics

DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-4-61-71

Получено: 15 июня 2023 г. / Одобрено: 24 июня 2023 г. / Опубликовано: 26 августа 2023 г.

Н.А. Боженкова

Д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Orcid 0000-0002-2381-5865, Researcher ID L-6652-2017, Россия, Москва, e-mail: natalyach@mail.ru

N.A. Bozhenkova

Grand Ph.D., Doctor of Philology, Full Professor, Professor of Departments of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Orcid 0000-0002-2381-5865, Researcher ID L-6652-2017, Moscow, Russia, e-mail: natalyach@mail.ru

Ван Жань

Аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Orcid 0009-0003-1819-1861, Москва, Россия e-mail: wranran@yandex.com

Wang Ran

Postgraduate Student, Pushkin State Russian Language Institute, Orcid 0009-0003-1819-1861, Moscow, Russia, e-mail: wranran@yandex.com

Аннотация

В фокусе внимания авторов статьи — сравнительный анализ языковых конструктов, репрезентирующих корпус коммуникативных стратегий и тактик, совокупность которых детерминирует особую синергетическую организацию инаугурационного дискурса в разнокодовых (русской / китайской) лингвокультурах. Актуальность настоящей работы обуславливается самим объектом исследования: акт инаугурации, являясь важнейшим маркером политической культуры общества, представляет собой сложный институционально-персональный феномен, с одной стороны, фиксирующий переход и легитимацию государственной власти, с другой же — обеспечивающий порождение и восприятие смыслов, манифестирующих конвенциональную систему ценностей и обеспечивающих тем самым стабильность определенного лингвокультурного универсума. В результате лингвопрагматического анализа инаугурационных речей государственных руководителей РФ и КНР — В.В. Путина, Д.А. Медведева, Б.Н. Ельцина, Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао, Цзян Цзэминя (период с 1991 по 2023 г.) — доказано, что инвариантное целеполагание инаугурационного обращения детерминирует строгую реализацию жанрового канона, однако знаково-символическое «обрамление» процедуры подчиняется национально-значимым аксиологическим константам, а ритуальный интенциональный «посыл» инаугурационной дискурсивной практики непременно видоизменяется лидером страны в процессе индивидуального речевого оформления в соответствии с ожиданиям электората, что приводит к языковой вариативности как инаугурационного выступления, так и инаугурационного дискурса в целом. Представляется, что исследования подобного рода дают возможность выявить общие тенденции развития форм политического управления гражданским обществом, рассмотреть частные случаи их реализации в определенном лингвокультурном универсуме, описать процесс концептуализации «ключевых слов» главных субъектов политической коммуникации и — как результат — спрогнозировать вектор развития коллективного и индивидуального сознания представителей гражданского общества.

Ключевые слова: инаугурационный дискурс, инаугурационное обращение, интегративные / дезинтегративные коммуникативные стратегии и тактики, вербальные маркеры, лингвокультурные спецификаторы.

Abstract

The authors of the article focus on a comparative analysis of linguistic constructs representing communicative strategies and tactics, the combination of which determines the unique synergistic structure of the inaugural discourse in different language cultures (Russian/Chinese). The relevance of this work is defined by the object of the study itself. The act of inauguration, being a crucial marker in the political culture of society, represents a complex institutional phenomenon. On the one hand, it records the transition and legitimation of state power, and on the other hand, it ensures the generation and acceptance of ideas that manifest the conventional system of values, thereby ensuring the stability of a specific linguocultural space. Through the linguopragmatic analysis of the inaugural speeches of the state leaders of the Russian Federation and China, such as V.V. Putin, D.A. Medvedev, B.N. Yeltsin, Xi Jinping, Hu Jintao, Jiang Zemin (from 1991 to 2023), the authors of the article prove that the invariant goal-setting of the inaugural address determines a strict implementation of genre canons. However, the external symbolic framework of the procedure adheres to nationally significant axiological constants, whereas the ritual intentional message of the inaugural discursive practice is inevitably modified by each leader of the country during the individual speech formulation in accordance with the expectations of the electorate. This leads to linguistic variability both in the inaugural speech and in the inaugural discourse as a whole. The present research is believed to enable the identification of general trends in the development of forms of civil society governance, to examine specific cases of their implementation in a particular linguocultural space, to describe the process of conceptualizing the “key words” of the main agents of political communication, and, as a result, to forecast the development vector of collective and individual consciousness of civil society representatives.

Keywords: inaugural discourse, inaugural address, integrative/desintegrative communicative strategies and tactics, verbal markers, linguocultural indicators.

Введение

Как известно, основным средством воплощения политических устремлений в социальном континууме является языковая система: «...фактически любое политическое действие подготавливается, сопровождается, контролируется сквозь призму языка» [23, с. 1]. Соответственно, политический дискурс, будучи вербальной «рамкой» политического взаимодействия, не только репрезентирует типичные модели социальной интеракции конкретного этнического сообщества, но и (в условиях культурной реальности) обуславливает формирование и функционирование других коммуникативных практик [4, с. 48].

Особое место в генристической палитре политического дискурса занимает *дискурс инаугурационный*, который маркирует характер институциональности политического строя значительного числа стран. В рамках акта инаугурации фиксируется исторический этап развития общества, определяется стратегический курс нового правительства в области внутренней и внешней политики, закрепляется идеологическая стратегия избранного лидера страны и — самое важное — предъявляются гражданам «ключевые слова политики на следующие четыре года» (т.е. до истечения срока полномочий) [32, с. 255].

Отметим, что само понятие *инаугурационный дискурс* в современной лингвистике дефинируется различным образом, поскольку в русскоязычном пространстве существует три варианта именованного выступления главы государства при вступлении в должность — *инаугурационная речь*, *инаугурационное обращение* и собственно *инаугурационный дискурс*, при этом семантические «акценты» оказываются неодинаковыми. Так, *инаугурационная речь* характеризуется как «публичное словесное выступление» [10, с. 714] — разновидность эпидейктической речи, — которое представляет собой содержательную сердцевину театрализованного политического события, своеобразный праздник государственности [6, с. 116]. *Инаугурационное обращение* (происходящее от английского *inaugural address* по причине долгой истории традиции инаугурации в США) определяется как «просьба — призыв — речь — обращения к кому-л.» [11, с. 563] и фокусирует внимание на 1) единичном адресанте, 2) широчайшей потенциальной аудитории, 3) жестко фиксированном хронотопе, 4) явном доминировании фатика над информативностью [18, с. 205]. Термин *инаугурационный дискурс*, совмещая базисные для дискурса в целом характеристики («связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [20, с. 136]; «социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы проду-

цирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [16, с. 40]) и специфику риторического построения текста («безопасная» риторика (*riskless rhetoric* — букв. «риторика без риска») [28, с. 316]) не только констатирует конвергентность вербальной и иных семиотических систем (см.: «Инаугурационный дискурс существует в текстах речей, но таких, за которыми встает особое знаковое пространство» [14, с. 193]), но и «включает» данную интеракцию в общую парадигму институциональных политических дискурсивных практик.

В этой связи возникает вопрос о корреляции понятий *инаугурационный дискурс* и *инаугурация*, которая во многих словарях определяется как «торжественная церемония (от лат. *inauguro / inauguratio* — «посвящение» / «посвящаю») официального вступления в должность высшего лица государства» [5, с. 173; 15, с. 105], где каждый атрибутивный конститuent имеет особое символическое значение. Вероятно, именно принципиальная сочетанность в едином акте политического действия разнообразнейших знаковых систем приводит к частотному использованию данных единиц как синонимов / эквивалентов. Представляется, что в качестве одного из разграничивающих критериев можно выбрать признак статики / процессуальности, где первый будет характеристикой процедуры *инаугурации* (как неделимого явления), второй же — *инаугурационного дискурса* (как разворачиваемого по различным векторам события). Такое понимание, с нашей точки зрения, предоставляет широкий аналитический инструментарий для его описания и позволяет выявить как целеполагание инаугурационного дискурса — репрезентация имиджа патриотически настроенного лидера, благодарного своему электорату, завоевание и удержание высшей политической власти, обеспечение общественной поддержки в решении внешних и внутренних государственных задач, так и его основные характерологические признаки, наиболее важными из которых следует считать: 1) ритуальность и стандартность; 2) институциональность и индивидуальность; 3) общедоступность; 4) диалогичность; 5) оценочность; 6) «вневременность»¹. Последний признак, несмотря на явный «диссонанс» с конкретными хронотопическими параметрами дискурсивной практики, обуславливает и принадлежность инаугурационного обращения к эпидейктическим речам (требующим тщательности не только лексическо-синтаксического и стилистического, но и фонетико-фонологического «обрамления»), и особый статус инаугурационного дискурса в иерархии жанров дискурса политического.

¹ От англ. *timelessness; time out of time* — некая «особая разновидность настоящего» [22, с. 205].

В этой связи представляется возможным предложить следующее определение: *инаугурационный дискурс* являет собой особый тип институционально-персонального взаимодействия, который формально организуется и реализуется в процедуре вступления в должность главы государства в знаково-символическом социокультурном пространстве и фиксирует переход и легитимацию государственной власти, содержательно же обеспечивает порождение и восприятие смыслов, манифестирующих конвенциональную систему ценностей, ориентированную на поддержание стабильности определенного лингвокультурного универсума, и тем самым определяет вектор развития коллективного и индивидуального сознания представителей гражданского общества.

Обзор литературы

Несмотря на довольно длительную историю изучения специфики политических дискурсивных практик¹, *инаугурационный дискурс* как жанровая разновидность (субдискурс) дискурса политики в целом долгое время находился на периферии научного описания. Основной массив работ, выявляющий особенности инаугурационной речи, принадлежит американским исследователям: важность ее рассмотрения в американской политической риторике обусловлена уже тем фактом, что данный текст представляет собой интерпретацию истории президентства в США. Анализу подвергаются речи американских президентов прежде всего в риторическом [21; 29; 30], критическом дискурсивном [27], жанроведческом и стилистическом [22; 31], религиозном [24; 25], интертекстуальном [26] аспектах.

В российских академических кругах инаугурационный дискурс стал объектом описания лишь в последние 10–15 лет (бесспорно, в связи с изменением государственного устройства и закреплением института президентства). Однако сегодня мы можем констатировать наличие значительного числа работ, характеризующих инаугурационные обращения главы РФ через призму лингвоперсонологии [2; 13; 17], лингвокогнитивных исследований [7; 14], жанроведения [12; 18], прагмалингвистики [1; 19] и компаративного вектора изучения [8].

¹ Отметим, что политическое взаимодействие как коммуникативная сфера, основной темой и движущим мотивом которой является борьба за власть, оказалось в фокусе российского научного интереса преимущественно в середине 1980-х гг., когда сосуществование политических элит перестало носить сугубо ритуальный характер и приобрело очертания одного из способов функционирования общества: см. работы А.Г. Алтунина, А.Н. Баранова, В.Н. Базылева, Э.В. Будаева, И.Т. Вепревой, О.И. Воробьевой, Д.Б. Гудкова, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, М.В. Китайгородской, Н.А.Купиной, А.В. Оляничка, П.Б. Паршина, М.Р. Проскурякова, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, G. Lakoff, S.R. Anderson, W.L. Benoit, T.A. van Dijk, P. Drulak, A. Mussolt, R. Wodak, Н. Клочок, Э. Лассан, L. Wee и др.

Китайская же филологическая наука основное внимание уделяет исследованию признаков черт инаугурационных выступлений американских президентов, например [33; 34], тогда как процедура инаугурации главы КНР и языковая экспликация основных идеологем ее лидера не нашли полноценного отражения в современной китаистике. Вместе с тем в настоящее время мало кто сомневается, что инаугурационный дискурс 1) играет значительную роль в политическом взаимодействии власти и общества; 2) существенно отличается от всех других политических интеракций.

Представляется, что важность исследований подобного рода обусловлена не только возможностью проследить общие тенденции развития форм политического управления гражданским обществом и рассмотреть частные случаи их реализации в определенном лингвокультурном универсуме, но и научной значимостью моделирования ментальных структур главных участников политической коммуникации — лидеров различных стран. В этой связи особенно интересным представляется компаративное исследование языковых фактов, репрезентирующих речестратегические предпочтения российской / китайской политической элиты.

Дискуссия

Однозначность цели инаугурационного дискурса (и инаугурационного выступления, соответственно), бесспорно, детерминирует строгую реализацию жанрового канона и определяет явную «штампованность» речевых формул, вместе с тем политические интенции лидера, его идеологическое кредо, модальность процедуры инаугурации в целом, напрямую подчиняющиеся запросам и (что важнее!) ожиданиям электората в определенных культурно-исторических условиях, обуславливают «включение» личностного фактора², что приводит к языковой вариативности как инаугурационной речи, так и инаугурационного дискурса в целом. Поскольку предназначение инаугурационного выступления не просто «описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [9, с. 118], эффективность инаугурационного дискурса определяется адекватным планированием коммуникативного поведения глав государств³ и умелой реализацией данного плана путем использования различных *речевых стратегий и тактик*,

² Здесь мы разделяем позицию Л.Г. Ким [13]

³ Материалом исследования послужили тексты инаугурационных выступлений лидеров РФ и КНР — В.В. Путина, Д.А. Медведева, Б.Н. Ельцина, Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао, Цзян Цзяминя, размещенные на официальных сайтах Президента РФ (<http://kremlin.ru>) и государства КНР (<https://www.gov.cn>) в период с 1991 по 2023 г.

реализующих воздействующий потенциал естественного языка на интеллектуальную и эмоционально-волевою сферу граждан страны.

Предлагаемые сегодня в политической лингвистике кадастры коммуникативных стратегий и тактик (далее КС и КТ), несмотря на единодушные исследователей в признании основной функции политического взаимодействия, вариативны, поскольку сама таксономия может базироваться на любом (или нескольких одновременно) из внушительного множества критериев, явно вычлняемых в качестве категориальных признаков императивно-политических актов: механизмы организации; языковой уровень структурных компонентов; частотность реализации вербальных единиц данной направленности; интонационная обусловленность их семантического плана; жанровая принадлежность и композиционная оформленность дискурсивной практики; число объектов акта коммуникации (массовая или индивидуальная направленность) и т.д. Однако в контексте *инаугурационного дискурса* принципиальным дифференцирующим основанием классификации используемых КС, с нашей точки зрения, следует считать базисное для политики в целом прагматическое основание — настроенность коммуникантов на сотрудничество, что позволяет вычлнить две группы КС — *интегративные* и *дезинтегративные*, внутри которых «иллокутивно» (т.е. в соответствии с той коммуникативной целью, на достижение которой они направлены) группируются КТ [3, с. 255–284].

В рамках инаугурационных дискурсивных практик в корпус интегративных вошли восемь КС (КС вежливости, сотрудничества, аргументации, самопрезентации, компромисса, эмоционально настраивающая, информативная и побуждающая), в корпус дезинтегративных — две КС (манипулятивная и конфронтационная), где общее число актуализированных коммуникативных тактик — 32 единицы (25 КТ и 7 КТ соответственно, табл. 1). Предложенная классификация стала базой для лингвопрагматического анализа вербальных формул¹, организующих инаугурационный дискурс лидеров РФ и КНР.

Интегративные КС

1. КС вежливости:

— КТ благодарности:

РФ — «От всего сердца благодарю граждан России за вашу сплоченность, за веру в то, что мы можем многое изменить к лучшему» (В.В. Путин, 2018)²;

¹ Объем данной статьи не позволяет привести примеры реализации всех КТ, поэтому авторы представили наиболее часто реализуемые в выступлениях лидеров РФ и КНР.

² Здесь и далее источник — <http://www.kremlin.ru/events/president/news>

КНР — «这次大会选举我担任中华人民共和国主席，我对各位代表和全国各族人民的信任，表示衷心的感谢»³. (*На нынешней сессии меня избрали председателем Китайской Народной Республики, и я от всей души благодарю уважаемых депутатов и представителей всех национальностей страны за оказанное доверие*⁴) (Ху Цзиньтао, 2003);

— КТ использования косвенных речевых актов:

РФ — «В последние месяцы и в Москве, и на встречах в российских регионах я чувствовал ваше понимание и вашу поддержку, и очень часто от людей, от самых простых людей на площадях и улицах наших городов слышал очень простые, но очень важные для меня слова — мне говорили: “Мы вам верим, мы надеемся на вас, вы нас только не обманите”» (В.В. Путин, 2000);

КНР — «毛泽东同志在第一届全国人民代表大会第一次会议上致开幕词时指出：“我们有充分的信心，克服一切艰难困苦，将我国建设成为一个伟大的社会主义共和国”» (*Мао Цзэдун в своей вступительной речи на первом заседании первого Всекитайского собрания народных представителей отметил: “Мы полны уверенности в том, что преодолеем все трудности и невзгоды и превратим нашу страну в великую социалистическую республику”*) (Ху Цзиньтао, 2003).

2. Эмоционально настраивающая КС:

— КТ комплимента /похвалы:

РФ — «Я вижу в этом большую заслугу Дмитрия Анатольевича Медведева. Его президентство обеспечило преемственность и устойчивость развития страны, придало дополнительный импульс модернизации всех сторон нашей жизни» (В.В. Путин, 2012);

КНР — «胡锦涛同志担任国家主席10年间，以丰富的政治智慧、高超的领导才能、勤勉的工作精神，为坚持和发展中国特色社会主义建立了卓越的功勋，赢得了全国各族人民衷心爱戴和国际社会普遍赞誉» (*За 10 лет пребывания на посту председателя КНР товарищ Ху Цзиньтао проявил большую политическую мудрость, завидные способности руководителя и редкое усердие в работе, у него есть выдающиеся заслуги в отстаивании и развитии социализма с китайской спецификой, поэтому он и заслужил любовь и уважение всех народов нашей страны, а также получил широкое восхищение международного сообщества*) (Си Цзиньпин, 2013).

— КТ проявления сочувствия:

РФ — «Они с болью и честью перенесли все испытания, посланные им судьбой. Они и в самых нечеловеческих условиях сумели сохранить нравственные чувства и веру в свою Россию» (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — «中国人民...始终密切关注和无私帮助仍然生活在战火、动荡、饥饿、贫困中的有关国家的人民» (*Китайский народ... всегда уделяет пристальное вни-*

³ Здесь и далее источник — <https://www.gov.cn>

⁴ Здесь и далее перевод автора статьи — Ван Жань.

Сопоставительная характеристика коммуникативных стратегий и тактик лидеров РФ и КНР

Коммуникативные стратегии									
Интегративные коммуникативные стратегии								Дезинтегративные коммуникативные стратегии	
Стратегия вежливости	Эмоционально настраивающая стратегия	Стратегия сотрудничества	Информативная стратегия	Стратегия компромисса	Стратегия аргументации	Стратегия самопрезентации	Побуждающая стратегия	Манипулятивная стратегия	Конфронтационная стратегия
Тактика благодарности (РФ / КНР)	Тактика комплимента / похвалы (РФ / КНР)	Тактика предложения сотрудничества (РФ / КНР)	Тактика информирования (РФ / КНР)	Тактика согласия (РФ)	Тактика генерализации (РФ / КНР)	Тактика обещания (РФ / КНР)	Тактика призыва (РФ / КНР)	Тактика выбора предмета речи (РФ)	Тактика осуждения (РФ / КНР)
Тактика извинения	Тактика проявления сочувствия (РФ / КНР)	Тактика предложения решения (РФ / КНР)	Тактика прямого ответа (РФ / КНР)	Тактика компромиссного ответа	Тактика проведения аналогии (РФ / КНР)	Тактика демонстрации компетентности (РФ / КНР)	Тактика требования (РФ / КНР)	Тактика отрицания (РФ / КНР)	Тактика упрека (РФ)
Тактика использования косвенных речевых актов (РФ / КНР)	Тактика юмора	Тактика демонстрации участия (РФ / КНР)	Тактика каузации (РФ / КНР)	Тактика внимания	Тактика приведения примера (РФ / КНР)	Тактика позитивной характеристики (РФ / КНР)	Тактика поручения (КНР)	Тактика полуправды	Тактика угрозы
Тактика поздравления			Тактика запроса информации		Тактика противопоставления (РФ / КНР)	Тактика самовосхваления	Тактика обращения (РФ / КНР)	Тактика абсолютизации (РФ / КНР)	Тактика проявления неуважения
			Тактика переадресации		Тактика ссылки на авторитет (РФ / КНР)		Тактика совета	Тактика смены фокуса внимания	Тактика обвинения
					Тактика описания позитивной перспективы (РФ / КНР)			Тактика оценивания (РФ / КНР)	Тактика замечания
					Тактика позитивной мотивации (РФ / КНР)				Тактика иронии (РФ)
									Тактика насмешки
									Тактика сарказма

мание и бескорыстно помогает народам соответствующих стран, которые все еще живут в условиях войны, беспорядков, голода и нищеты) (Си Цзиньпин, 2018).

3. КС сотрудничества:

— **КТ предложения сотрудничества:**

РФ — «Мы возвращаемся в мировое сообщество с чистыми помыслами для того, чтобы обрести друзей, а не врагов, наладить честные и цивилизованные отношения с государствами мира» (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — «我们要继续奉行独立自主的和平外交政策，同所有国家保持和发展友好合作关系» (Мы будем продолжать проводить независимую внешнюю политику мира и поддерживать и развивать отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами) (Ху Цзиньтао, 2003).

— **КТ предложения решения:**

РФ — «Но сейчас мы должны использовать все имеющиеся у нас возможности, прежде всего, для решения внутренних, самых насущных задач развития,

для экономического, технологического прорыва, для повышения конкурентоспособности в тех сферах, которые определяют будущее» (В. В. Путин, 2018);

КНР — «继续全面建设小康社会，加快推进社会主义现代化» (Продолжать всесторонне строить благополучное общество, ускорять социалистическую модернизацию) (Ху Цзиньтао, 2008).

— **КТ демонстрации участия:**

РФ — «Россия будет и далее вместе с другими республиками активно участвовать в сложнейшей работе по коренному преобразованию Союза» (Б. Н. Ельцин, 1991);

КНР — «中国将继续积极参与全球治理体系变革和建设» (Китай продолжит активно участвовать в реформировании и построении системы глобального управления) (Си Цзиньпин, 2018).

4. Информативная КС:

— **КТ информирования:**

РФ — «Мы знаем, что в 90-е и в начале 2000-х годов наряду с давно назревшими и абсолютно необхо-

димыми историческими переменами на долю нашего Отечества и наших людей выпали очень тяжелые испытания» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «*这就是中国特色社会主义道路。这条道路来之不易，它是在改革开放30多年的伟大实践中走出来的，是在中华人民共和国成立60多年的持续探索中走出来的，是在对近代以来170多年中华民族发展历程的深刻总结中走出来的，是在对中华民族5000多年悠久文明的传承中走出来的，具有深厚的历史渊源和广泛的现实基础*» (*Это путь социализма с китайской спецификой. Найти этот путь нелегко, он является результатом более чем 30-летней великой практики, проведенной в свете политики реформ и открытости, результатом более чем 60-летних неустанных поисков со дня образования КНР, результатом углубленного подведения итогов более чем 170-летнего развития китайской нации, начиная с периода Нового времени, а также результатом наследования и развития древней китайской цивилизации с более чем 5000-летней историей. Этот путь под собой имеет глубокие исторические истоки и прочную основу*) (Си Цзиньпин, 2013).

— **КТ прямого ответа:**

РФ — «*Прямо скажу: они были временем серьезных испытаний*» (В.В. Путин, 2004);

КНР — «*我们的奋斗目标是：到建国一百年时，基本实现现代化，把祖国建成富强民主文明的社会主义国家*» (*Наша цель: к 100-летию образования Китайской Народной Республики осуществить модернизацию и превратить Родину в процветающую, сильную, демократическую и цивилизованную социалистическую страну*) (Цзян Цзэминь, 1998).

— **КТ каузации:**

РФ — «*Потому что только так можно сформировать абсолютно необходимые условия для созидания и развития и, очень важно, атмосферу взаимной ответственности, поддержки и доверия в обществе*» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «*我们创造了伟大的中华文明，我们也能够继续拓展和走好适合中国国情的发展道路*» (*Раз мы сумели создать великую китайскую цивилизацию, то тем более сможем продолжать расширять путь развития, соответствующий китайским реалиям, и успешно идти по нему*) (Си Цзиньпин, 2013).

5. КС компромисса:

— **КТ согласия:**

РФ — «*Смена власти — всегда проверка конституционного строя, проверка его на прочность. Да, у нас это не первая проверка, очевидно, не последняя, но это испытание, этот рубеж в нашей жизни мы прошли достойно*» (В.В. Путин, 2000);

КНР — примеры реализации отсутствуют.

6. КС аргументации

— **КТ генерализации:**

РФ — «*В эти минуты, вступая в должность Президента России, особенно остро осознаю свою колоссальную ответственность перед каждым из вас, перед всем нашим многонациональным народом, ответственность перед Россией*» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «*全国各党派、各团体、各民族、各阶层、各界人士要更加紧密地团结在中共中央周围*» (*Все политические партии, общественные организации представители всех национальностей, общественных слоев и групп должны спланиваться вокруг ЦК КПК*) (Си Цзиньпин, 2013).

— **КТ проведения аналогии:**

РФ — «*Судьба распорядилась так, что народам России, как и другим республикам, пришлось пройти через великие испытания*» (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — «*中国人民相信，山再高，往上攀，总能登顶；路再长，走下去，定能到达*» (*Китайский народ верит, что какими бы высокими ни были горы, нужно продолжать двигаться вверх и тогда можно достичь вершины; каким бы долгим ни был путь, нужно продолжать двигаться вперед и тогда можно достигнуть цели*) (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ приведения примера:**

РФ — «*Тогда, в 2000 году, очень многие проблемы казались просто неразрешимыми*» (В.В. Путин, 2004);

КНР — «*特别是近代以后，在外来侵略寇急祸重的严峻形势下，我国各族人民手挽着手、肩并着肩，英勇奋斗，浴血奋战，打败了一切穷凶极恶的侵略者，捍卫了民族独立和自由*» (*Особенно в новой истории в мрачной ситуации иностранной агрессии, народы всех этнических групп Китая плечом к плечу, храбро сражаясь, не жалея своей крови, победили всех жестоких агрессоров и отстаивали национальную независимость и свободу*) (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ противопоставления:**

РФ — «*Смыслом нашей политики является не массовое самопожертвование, а благо каждого человека, его интерес*» (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — «*中国发展不对任何国家构成威胁，中国永远不称霸、永远不搞扩张。只有那些习惯于威胁他人的人，才会把所有人都看成是威胁*» (*Развитие Китая не представляет угрозы ни для одной страны, и Китай никогда не будет стремиться к гегемонии или экспансии. Только те, кто привык угрожать другим, видят во всех угрозу*) (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ ссылки на авторитет:**

РФ — «*Первый Президент России Борис Николаевич Ельцин, покидая Кремль, сегодня вспомнил об этом — произнес слова, которые многим запомнились. Он сегодня повторил в этом зале: “Берегите Россию”*» (В.В. Путин, 2000);

КНР — «*这些精神的核心和精髓，就是小平同志所一再倡导和论述的解放思想，实事求是*» (*Ядром и сущностью этих духов является освобождение ума и поиск*

истины из фактов, неоднократно отстаиваемых и обсуждаемых товарищем Сяопином) (Цзян Цзэминь, 1993).

— **КТ описания позитивной перспективы:**

РФ — «У России великая история и не менее великое будущее» (В.В. Путин, 2012);

КНР — «我们就一定能够实现中华民族伟大复兴，为人类作出新的更大的贡献» (Мы, безусловно, сможем осуществить великое возрождение китайской нации и внести новый и больший вклад в развитие человечества) (Ху Цзиньтао, 2008).

— **КТ поэтапной мотивации:**

РФ — «Это мы сами добились высоких темпов развития нашей экономики. Преодолели непростое идеологическое противостояние и сейчас становимся, постепенно становимся, единой нацией. Это мы сами остановили агрессию международного терроризма. Избавили страну от реальной угрозы распада. Это мы вместе сделали нашу Родину открытой страной» (В.В. Путин, 2004);

КНР — «波澜壮阔的中华民族发展史是中国人民书写的！博大精深的中华文明是中国人民创造的！历久弥新的中华民族精神是中国人民培育的» (Великолепная история развития китайской нации написана китайским народом! Многогранная и неповторимая китайская цивилизация создана китайским народом! Китайская нация взращивается китайским народом) (Си Цзиньпин, 2018).

7. КС самопрезентации:

— **КТ обещания:**

РФ — «Заверяю вас: целью моей жизни, работы будет, как и прежде служение людям, нашему Отечеству» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «我一定忠诚地履行宪法赋予的职责，恪尽职守，勤勉工作，竭诚为国家 and 人民服务，不辜负各位代表和全国各族人民的重托» (Я буду неукоснительно выполнять установленные Конституцией полномочия, буду добросовестно выполнять свои служебные обязанности, прилежно работать, служить государству и народу, стараться оправдать доверие и надежды уважаемых депутатов и народов всей страны) (Ху Цзиньтао, 2003).

— **КТ демонстрации компетентности:**

РФ — «Как и в предыдущие годы, буду работать активно, открыто и честно, сделаю все, что смогу, все, что в моих силах, чтобы оправдать надежды миллионов людей» (В.В. Путин, 2004);

КНР — «我们就一定能够夺取全面建设小康社会新胜利，开创中国特色社会主义事业新局面！我们就一定能够实现中华民族伟大复兴，为人类作出新的更大的贡献» (Мы обязательно сможем всесторонне завоевать новую эру построения среднезажиточного общества и создать новую ситуацию для дела социализма с китайской спецификой! Мы сможем осуществить великое

возрождение китайской нации и вносить новый и больший вклад в развитие человечества) (Ху Цзиньтао, 2008).

— **КТ позитивной характеристики:**

РФ — «Будем активно проводить современную социальную политику, настроенную на нужды каждого человека, каждой российской семьи, повышать качество образования и здравоохранения» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «我们将高举和平、发展、合作、共赢的旗帜，始终不渝走和平发展道路» (Мы будем, высоко поднимая знамя мира, развития, сотрудничества и общего выигрыша, неизменно идти по пути мирного развития) (Си Цзиньпин, 2013).

8. Побуждающая КС:

— **КТ призыва:**

РФ — «И пусть любовь к Отечеству, все лучшее, что есть в человеке, вдохновляет каждого из нас на поиск, на самосовершенствование для личного успеха, для работы ради своей семьи, вдохновляет на общий, напряженный труд для благополучия родной страны» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «让人类命运共同体建设的阳光普照世界» (Пусть солнечный свет сообщества единой судьбы человечества озарит мир) (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ требования:**

РФ — «Перед нами напряженная работа, которая потребует участия всего российского общества, деятельного вклада каждого из нас, всех ответственных политических и гражданских сил, объединенных искренней заботой о России» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «实现伟大目标需要坚忍不拔的努力» (Достижение великой цели требует от нас непреклонных усилий) (Си Цзиньпин, 2013).

— **КТ поручения:**

РФ — примеры реализации отсутствуют;

КНР — «一切国家机关工作人员，要克己奉公，廉政勤政，关心人民疾苦，为人民办实事。中国人民解放军全体指战员，中国人民武装警察部队全体官兵，要按照听党指挥、能打胜仗、作风优良的强军目标，提高履行使命能力，坚决捍卫国家主权、安全、发展利益，坚决保卫人民生命财产安全» (Всем работникам госучреждений следует ради общего дела отодвигать личные интересы на второй план, оставаться честными и неподкупными, добросовестно работать, заботиться о нуждах народа и делать для него реальные дела. Всему командно-рядовому составу НОАК и Народной вооруженной милиции Китая необходимо в соответствии с целями повышения боеспособности войск подчиняться руководству партии, уметь одерживать победы, иметь прекрасный стиль работы, развивать способности в исполнении своей миссии, стойко защищать национальные интересы — суверенитет, безопасность и развитие, твердо оберегать безопасность жизни и имущества народа) (Си Цзиньпин, 2013).

— **КТ обращения:**

РФ — «Сегодня я обращаюсь к вам, именно к вам, потому что вы доверили мне высший государственный пост в стране» (В.В. Путин, 2010);

КНР — «各位代表，当今世界正在发生广泛而深刻的变化» (*Уважаемые депутаты, сегодня мир претерпевает масштабные и глубокие изменения*) (Ху Цзиньтао, 2008).

Дезинтегративные КС**1. Манипулятивная КС:**— **КТ выбора предмета речи:**

РФ — «Сегодня действительно исторический день, я хочу на этом еще раз сконцентрировать внимание» (В.В. Путин, 2000);

КНР — примеры реализации отсутствуют.

— **КТ отрицания:**

РФ — «Россияне не станут более в угоду какой-то догме отказываться от своего прошлого, настоящего и будущего» (Б.Н. Ельцин, 1991); «Безвозвратно уходят в прошлое времена, когда народ безмолвствовал» (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — «路虽然还很长，但时间不等人，容不得有半点懈怠» (*Впереди еще долгий путь, но время никого не ждет, и нет места для безделья*) (Си Цзиньпин, 2018); «一个四分五裂的国家不可能发展进步» (*Страна, которая раздроблена и разделена, не может развиваться и прогрессировать*) (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ абсолютизации:**

РФ — «Прошедшие годы были для нас всех нелегкими» (В.В. Путин, 2004); «...все то, что сковывает людей, мешает им в полной мере раскрыться, реализовать себя, свои таланты, а значит, и ограничивает устремленность в будущее всей нашей страны» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «在国际交往中，我们绝不强加于人，也绝不允许别的国家干涉我国的内政» (*В международном обмене мы никогда не будем навязывать свою волю другим и никогда не позволим другим странам вмешиваться в наши внутренние дела*) (Цзян Цзэминь, 1993); «我们决不能安于现状、贪图安逸、乐而忘忧» (*Мы не должны довольствоваться достигнутым, не должны стремиться к легкой и праздной жизни и не должны позволять радости развеять тревоги*) (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ оценивания:**

РФ — «Мы заплатили колоссальную, невиданную цену за сегодняшний опыт» (Б.Н. Ельцин, 1991); «Путь вперед не бывает простым, это всегда сложный поиск» (В.В. Путин, 2018); «Здесь, в Кремле, — средоточие нашей национальной памяти, здесь, в стенах Кремля, веками вершилась история нашей страны, и у нас нет права быть Иванами, не помнящими родства» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «只有那些习惯于威胁他人的人，才会把所有人都看成是威胁» (*Только те, кто привык угрожать другим, считают всех угрозой*) (Си Цзиньпин, 2018);

«近代以后，中国逐步成为半殖民地半封建社会，饱受列强欺凌、四分五裂、战乱频繁、生灵涂炭之苦» (*С периода новой истории Китай постепенно превратился в полуколониальное и полуфеодальное государство, которое пострадало от притеснения иностранными державами, раздробленного состояния и частых войн, и народ которого подвергался бедствиям*) (Си Цзиньпин, 2023).

2. Конфронтационная КС:— **КТ осуждения:**

РФ — «Отрицание этого священного принципа погубило величайшие империи прошлого, его забвение предопределило трагический финал грандиозных социальных экспериментов» (Б.Н. Ельцин, 1991); «Но история не прощает только одного — безразличия и непоследовательности, расслабленности и самоуспокоенности» (В.В. Путин, 2018);

КНР — «我们坚决反对霸权主义和强权政治» (*Мы решительно выступаем против гегемонизма и силовой политики*) (Цзян Цзэминь, 1993); «我们坚决反对任何形式的“两个中国”、“一中一台”或“一国两府”，坚决反对任何制造台湾独立的企图和行动» (*Мы решительно выступаем против любой формы, нацеленных на создание «двух Китаев», «одного Китая и одного Тайваня», либо «одной страны, двух правительств», решительно выступаем против любых попыток и действий, направленных на создание независимости Тайваня*) (Цзян Цзэминь, 1993); «一切分裂祖国的行径和伎俩都是注定要失败的，都会受到人民的谴责和历史的惩罚» (*Любые действия и уловки, нацеленные на разобщение Китая, непременно столкнутся с осуждением со стороны народа и будут наказаны историей*) (Си Цзиньпин, 2018).

— **КТ упрека:**

РФ — «Отечественный и мировой с свидетельствует: неудача неизбежна, когда не хватает решимости действовать, идти на оправданный риск, когда ограничиваются полумерами и останавливаются на полпути» (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — примеры реализации отсутствуют.

— **КТ иронии:**

РФ — «Достойная жизнь не даруется свыше и не наступает сама собой. К ней невозможно прийти, построившись в колонны и слепо выполняя приказы сверху» (Б.Н. Ельцин, 1991);

КНР — примеры реализации отсутствуют.

Проведенный лингвопрагматический анализ позволяет сформулировать ряд положений, характеризующих общность/специфичность организации инаугурационных дискурсивных практик в русскоязычной и китайской лингвокультуре (см. табл. 1). Так, в качестве маркеров-идентификаторов назовем следующие: 1) явное превалирование интегративных КС над дезинтегративными (восемь по отношению к двум); 2) многообразии используемых КТ в рамках

каждой КС; 3) речетактическую насыщенность интегративных КС аргументации (семь КТ) и призыва (четыре КТ) и — что не вполне соответствует ожиданиям — дезинтегративной КС манипуляции (четыре КТ); 4) тяготение лидеров государства к использованию КТ благодарности (КС вежливости), КТ обещания (КС самопрезентации), КТ комплимента / похвалы (эмоционально настраивающая КС) и КТ генерализации (КС аргументации), которые характеризуются высокой частотностью использования соответствующих вербальных конструкций.

Вместе с тем при вполне соотносимой общей картине существуют некие тактико-стратегические предпочтения речевого «обрамления» инаугурационных обращений: в выступлениях лидеров КНР побуждающая КС представлена большим количеством КТ (отсутствие КТ поручения в РФ); КС компромисса (КТ согласия) актуализируется только в высказываниях глав РФ; КТ выбора предмета речи, фиксирующая особую значимость процесса инаугурации, используется лидерами РФ, но отсутствует в обращениях председателей КНР. Очевидно расхождение в способах экземплификации конфронтационной КС: в выступлениях лидеров РФ она представлена тремя КТ — осуждения, упрека и иронического замечания, тогда как главы КНР используют только самый «мягкий» вариант вербализации — осуждение, при этом частотность данных конструкций существенно ниже, что в совокупности можно считать лингвокультурными спецификаторами инаугурационного дискурса России и Китая.

Принципиально важен и тот факт, что одинаковое именование ряда КС не свидетельствует об их идентичном семасиологическом воплощении в разнокодовых инаугурационных дискурсивных практиках, поскольку вариативность их реализация обуславливается и особенностями конкретной лингвокультуры (русской / китайской), и геополитическими / историческими обстоятельствами выборной кампании (например, условия жестких социально-экономических потрясений в момент избрания Б.Н. Ельцина), и, бесспорно, идиостилем речевого поведения лидера страны.

Самым же интересным оказывается перлокутивный эффект использования дезинтегративных КС: смысловое наполнение четырех КТ, выявленных в инаугурационных речах (отрицания, абсолютизации, оценивания, осуждения), организовано в рамках «классической» для политики дуальной модели ‘свои-чужие’, где в рамках внешней политики ‘свои’ — граждане страны, ‘чужие’ — представители других государств, в контексте внутренней политики ‘свои’ — поддерживающие, ‘чужие’ — оппозиционеры. Соответственно, главы государства укрепляют внутреннее единство, акцентируя внимание на внеш-

них угрозах и выставляя в качестве «общих мнимых врагов» факторы, тормозящие развитие страны и наносящие ущерб интересам народа. Умелое сочетание дезинтегративных и интегративных КС не только особым образом актуализирует основную идеологему инаугурационного дискурса — необходимость политического сплочения, общегражданского сотрудничества, объединения усилий всех членов социума для достижения главенствующей цели — завоевания победы над «врагом» — и укрепления национальной идентичности, но и является вербальным «базисом» положительного имиджа лидера государства.

Заключение

Инаугурационный дискурс как отдельный вид социальной коммуникации наглядно демонстрирует институциональное устройство отдельного общества с его идеологическими установками, аксиологическими законами, этическими правилами, ментальными символами и др. Предъявляемый обществу стратегический курс нового правительства в области внутренней и внешней политики детерминирует вектор исторического развития нации, а избранный лидер наделяется персонифицированной ответственностью за успешность реализации выбранного пути. В силу этого имидж главы государства сегодня становится значительным фактором, определяющим эффективность внедрения различных политических мер и степень влияния политика (и государства в целом) на общемировые процессы. Коммуникативные стратегии и тактики, организующие «каркас» инаугурационного дискурса и эксплицитно/имплицитно реализующие интенции лидеров РФ и КНР¹, способствуют выполнению базисных функций инаугурационного обращения (кумулятивной, социокультурной, апеллятивной, фатической и презентационной), тем самым обеспечивают создание конвенциональных ценностей страны и символизированной государственной роли ее руководителя.

В этой связи оказывается очевидной некая технологизация инаугурационных дискурсивных практик, подтверждающаяся как корреляцией кластера КС и КТ (включая использование лидерами обеих стран дезинтегративных КС / КТ), так и «пересечением» лингвопрагматического инструментария инаугурационного дискурса в целом. Создаваемые в акте инаугурации вербальные аксиологические константы на основе семантико-семиотических ассоциаций развиваются далее, постепенно переходят в смежные дискурсивные поля и, устанавливая новые смысловые связи, формируют «микрокосмос» национальной истории и культуры.

¹ Все сказанное справедливо для инаугурационного дискурса любой страны.

Литература

1. Акинина П.С. Лингвопрагматические особенности американского политического дискурса: на материале выступления президента США Барака Обамы [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П.С. Акинина. — Тверь, 2019. — 20 с.
2. Асланова М.Г. Средства создания позитивного имиджа в речи политика (на материале текста второго инаугурационного обращения Барака Обамы) [Текст] / М.Г. Асланова // Политическая лингвистика. — 2015. — № 1. — С. 74–82.
3. Боженкова Н.А. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений [Текст] / Н.А. Боженкова, Р.К. Боженкова, А.М. Боженкова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2017. — № 3. — С. 255–284.
4. Боженкова Р.К. Экспликация лингвокультурных смыслов институционального дискурса (на материале русско- и англоязычных религиозной и политической коммуникативных практик): к постановке проблемы [Текст] / Р.К. Боженкова, Н.А. Боженкова, Д.В. Атанова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». — 2014. — № 1. — С. 46–52.
5. Большая российская энциклопедия. Т. 11 [Текст] / гл. ред. Ю.С. Осипо. — М., 2008. — 766 с.
6. Гаврилова М.В. Инаугурационная речь [Текст] / М.В. Гаврилова // Дискурс-Пи. — 2013. — № 3. — С. 115–116.
7. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования [Текст] Гаврилова // Полит. наука. — 2017. — № 2. — С. 54–72.
8. Гарифуллина Д.Б. Речевой портрет политического лидера (на материале инаугурационных речей президентов России и США) [Текст] / Д.Б. Гарифуллина // Международные отношения и общество. — 2019. — Т. 1. — № 1. — С. 106–111.
9. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации [Текст]: учеб. пособие для вузов / В.З. Демьянков; под ред. М.Н. Володиной. — М.: Академический проект, 2008. — С. 374–393.
10. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / А.П. Евгеньева. — Т. 2. — 3-е изд. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1985–1988. — 736 с.
11. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. [Текст] / А.П. Евгеньева. — Т. 3. — 3-е изд. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз., 1985–1988. — 749 с.
12. Ильичева В.В. Инаугурационная речь как инструмент формирования политического имиджа в контексте русской риторической традиции [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Ильичева. — М., 2015. — 207 с.
13. Ким Л.Г. Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе [Текст] / Л.Г. Ким, Е.С. Беляева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1. — С. 72–80.
14. Моргун Е.А. Инаугурационный дискурс: понятийно-терминологические и когнитивно-прагматические основания (на материале инаугурационных речей американских президентов) [Текст] / Е.А. Моргун // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2009. — № 2. — С. 192–194.
15. Новейший политологический словарь [Текст] / Д.Е. Погорельский, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 318 с.
16. Чудинов А.П. Политическая лингвистика [Текст]: учеб. пособие / А.П. Чудинов. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 256 с.
17. Чудинов А.П. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров [Текст] / А.П. Чудинов, Е.А. Нахимова, М.В. Никифорова // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семантика. Семантика». — 2018. — Т. 9. — № 1. — С. 14–31.
18. Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал // — Вып. 3. Жанры речи. — Саратов, 2002. — С. 205–214.
19. Шимуля Р. Лингвистические особенности официальных выступлений президента В.В. Путина (на примере жанра инаугурационной речи) [Текст] / Р. Шимуля // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2020. — № 3. — С. 45–54.
20. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 686 с.
21. Campbell K.K., Jamieson K.H. Deeds done in words: Presidential rhetoric and the genres of governance. University of Chicago Press, 1990. 275 p.
22. Campbell K.K., Jamieson K.H. Inaugurating the presidency. Presidential studies quarterly, 1986, pp. 394–411.
23. Chilton P., Schäffner C. Discourse and politics. Discourse as social interaction, 1997, pp. 206–230.
24. Coe K., Domke D. Petitioners or prophets? Presidential discourse, God, and the ascendancy of religious conservatives. Journal of Communication, 2006, 56(2), pp. 309–330.
25. Goldman A. The Word of God: Presidential Inaugural Address, America, 1996, pp. 10–14.
26. Holland M.S. "To close the circle of our felicities": Caritas and Jefferson's first inaugural. The Review of Politics, 2004, 66(2), pp. 181–205.
27. Horvath J. Critical discourse analysis of Obama's political discourse // Language, literature and culture in a changing transatlantic world, International conference proceedings. Presov: University of Presov. 2009, pp. 45–56.
28. Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse // Columbia (S. Car.), 1986. 316 p.
29. Leith S. Words like loaded pistols: Rhetoric from Aristotle to Obama. Hachette UK, 2016. 336 p.
30. Lim E.T. Five trends in presidential rhetoric: An analysis of rhetoric from George Washington to Bill Clinton. Presidential Studies Quarterly, 2002, 32(2), pp. 328–348.
31. Vigil T.R., George W. Bush's first three inaugural addresses: Testing the utility of the inaugural genre. Southern Communication Journal, 2013, 78(5), pp. 427–446.
32. Whissell C., Sigelman L. The times and the man as predictors of emotion and style in the inaugural addresses of U.S. presidents. Computers and the Humanities, 2001, vol. 3, pp. 255–272.
33. Ян Цзяцинь, Лю Дандань. Исследование нарратива инаугурационных речей президентов США [Текст] / Ян Цзяцинь, Лю Дандань // Вестник Второго Пекинского института иностранных языков. — 2021. — № 4. — С. 58–71.
34. Ци Янь, Ван Шаохуа. Консервативная тенденция в США на основе сравнительного анализа инаугурационных речей Обамы и Трампа [Текст] / Ци Янь, Ван Шаохуа // Вестник Сяньского университета иностранных языков. — 2019. — № 3. — С. 12–16.

References

1. Akinina P.S. Linguo-pragmatic features of American political discourse: based on the speeches of US President Barack Obama: Abstract of the thesis: autoref. dis. ... candidate of philological sciences. Tver', 2019. 20 p.
2. Aslanova M.G. Means of creating a positive image in a politician's speech (based on the text of the second inaugural address of Barack Obama) // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics], 2015, no. 1, pp. 74–82.
3. Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M. Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching], 2017, v. 15, no. 3, pp. 255–284.
4. Bozhenkova R.K., Bozhenkova N.A., Atanova D.V. Explication of linguocultural meanings of institutional discourse (on the basis of Russian and English religious and political communication practices): to the problem statement. university // Izvestia IUGO-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i Pedagogika [Izvestia of the Southwestern State University. Series Linguistics and Pedagogy], 2014, no. 1, pp. 46–52.
5. Great Russian Encyclopedia. T. 11 // Ch. ed. Yu.S. Osipo. Moscow, 2008. 766 p.

6. Gavrilova M.V. Inaugural speech // *Diskurs-Pi*, 2013, no. 3, pp. 115–116.
7. Gavrilova M.V. Linguistic analysis of speeches of the head of state: topics, directions and methods of research // *Polit. nauka*, 2017, no. 2, pp. 54–72.
8. Garifullina, D. B. Speech portrait of a political leader (based on the inaugural speeches of the presidents of Russia and the USA) // *Mezhdunarodnye otnosheniia i obshchestvo*, 2019, v. 1, no. 1, pp. 106–111.
9. Demyankov V.Z. Interpretation of political discourse in the media // *Language of the media: Textbook for universities / Ed. M.N. Volodina. M.: Akademicheskii proekt*, 2008, pp. 374–393.
10. Evgenyeva A.P. Dictionary of the Russian language: in 4 v. V. 2 / ed. A.P. Evgenyeva. M.: Rus. iaz., 1986. 736 p.
11. Evgenyeva A.P. Dictionary of the Russian language: in 4 v. V. 3 / ed. A.P. Evgenyeva. M.: Rus. iaz. 1987. 749 p.
12. Ilyicheva V.V. Inaugural speech as a tool for forming a political image in the context of the Russian rhetorical tradition: avtoref. dis. ... cand. of philological sciences. Moscow, 2015. 207 p.
13. Kim L.G. The image of the author and addressee in the inaugural discourse / L.G. Kim, E.S. Belyaeva // *Politicheskaia lingvistika [Political Linguistics]*, 2019, no. 1, pp. 72–80.
14. Morgun E.A. Inaugural discourse: conceptual-terminological and cognitive-pragmatic foundations (based on the Inaugural speeches of American presidents) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philological Sciences. Questions of theory and practice]*, 2009, no. 2, pp. 192–194.
15. The latest political dictionary / D.E. Pogorely, V.Yu. Fesenko, K.V. Filippov. Rostov-on-Don: Feniks, 2010. 318 p.
16. Chudinov A.P. Political linguistics: textbook. allowance. M.: Flinta: Nauka, 2006. 256 p.
17. Chudinov A.P., Nakhimova E.A., Nikiforova M.V. Russian linguo-political personology: a study of the discourse of political leaders // *Vestnik RUDN. Seriya: teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 2018, v. 9, no. 1, pp. 14–31.
18. Sheigal E.I. Inaugural address as a genre of political discourse. Genres of speech — 3. Saratov, 2002, pp. 205–214.
19. Shimulya R. Linguistic features of the official speeches of President V.V. Putin (on the example of the inaugural speech genre) // *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 2020, no. 3, pp. 45–54.
20. Yartseva V.N. Linguistic encyclopedic dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. 686 p.
21. Campbell K.K., Jamieson K.H. Deeds done in words: Presidential rhetoric and the genres of governance. University of Chicago Press, 1990. 275 p.
22. Campbell K.K., Jamieson K.H. Inaugurating the presidency. *Presidential studies quarterly*, 1986, pp. 394–411.
23. Chilton P., Schaffner C. Discourse and politics. Discourse as social interaction, 1997, pp. 206–230.
24. Coe K., Domke D. Petitioners or prophets? Presidential discourse, God, and the ascendancy of religious conservatives. *Journal of Communication*, 2006, 56(2). pp. 309–330.
25. Goldman A. The Word of God: Presidential Inaugural Address, America, 1996, pp. 10–14.
26. Holland M.S. “To close the circle of our felicities”: Caritas and Jefferson’s first inaugural. *The Review of Politics*, 2004, 66(2), pp. 181–205.
27. Horvath J. Critical discourse analysis of Obama’s political discourse // *Language, literature and culture in a changing transatlantic world, International conference proceedings. Presov: University of Presov*, 2009, pp. 45–56.
28. Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse // *Columbia (S. Car.)*, 1986. 316 p.
29. Leith S. Words like loaded pistols: Rhetoric from Aristotle to Obama. Hachette UK, 2016, 336 p.
30. Lim E.T. Five trends in presidential rhetoric: An analysis of rhetoric from George Washington to Bill Clinton. *Presidential Studies Quarterly*, 2002, 32(2), pp. 328–348.
31. Vigil T.R. George W. Bush’s first three inaugural addresses: Testing the utility of the inaugural genre. *Southern Communication Journal*, 2013, 78(5), pp. 427–446.
32. Whissell C., Sigelman L. The times and the man as predictors of emotion and style in the inaugural addresses of U.S. presidents. *Computers and the Humanities*, 2001, vol. 3, pp. 255–272.
33. Yang Jiaqin, Liu Dandan. A study of the narrative of the inaugural speeches of the presidents of the United States // *Journal of Beijing International Studies University*, 2021, no. 4, pp. 58–71.
34. Ji Yan, Wang Shaohua. The conservative trend in the United States based on a comparative analysis of the inaugural speeches of Obama and Trump // *Journal of Xi’an Foreign Language University*, 2019, no. 3, pp. 12–16.